

РАЗДЕЛ I. К 130-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ С.Л. РУБИНШТЕЙНА

УДК 159.9.01

DOI: 10.18384/2310-7227-2019-4-8-23

СОЗНАНИЕ ЛИЧНОСТИ КАК ПРОБЛЕМА. ЧАСТЬ I

Абульханова К. А., Славская А. Н.

*Институт Психологии Российской Академии Наук
129366, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13, кор. 1, Российская Федерация*

Аннотация. С опорой на методологию философско-антропологической онтологической парадигмы Рубинштейна в данной статье представлена философско-психологическая концепция сознания как интегратора, обеспечивающего жизнедеятельность личности. Авторы предлагают пойти путём осмысления проблемы преемственности самого способа мышления, которым осуществляется познание сознания. Используются исторический, компаративистский, аксиологический и телеологический, а также комплексный и системный подходы к анализу феномена сознания. В представленном анализе находят применение исследовательские принципы соотношения биологического и социального, личностный принцип, принцип единства сознания и деятельности, потенциального и актуального (имплицитного и эксплицитного). Результирующим первой части исследования является обозначение авторской позиции по отношению к феномену сознания как особого функционального комплекса личностной самореализации. Сознание обеспечивает непреходящую уникальность самоопределения личности на своём жизненном пути.

Ключевые слова: сознание, Рубинштейн, жизненный путь, философско-психологическая методология, личность, субъект, бытие

PERSONAL CONSCIOUSNESS AS A PROBLEM. PART I

K. Abulkhanova, A. Slavskaya

*Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences
13-1, Jaroslavskaya st., Moscow, 129366, Russian Federation*

Abstract. Methodologically based on the philosophical and anthropological ontology of Sergey Rubinstein the article presents philosophical-psychological concept of consciousness as an integrator of personal existence. The authors of the study suggest rethinking the issue of

---

© СС ВУ Абульханова К. А., Славская А. Н., 2019.

pattern – of – thought inheritance, which brings to existence comprehension of consciousness as it is. Historical, comparative, axiological, teleological, as well as complex and systematic investigation approaches are used in the analysis of the phenomenon of consciousness. In the study, the following research principles are applied: co-relation of biological and social, principle of personality, principle of consciousness-activity unity, principle of potentiality and actuality (of implicit and explicit). The conclusive theoretical statement of the first part of the article reveals the authors' view on the phenomenon of consciousness as a specific functional complex of personality's self-realization. Consciousness ensures personality's ever-unique self-identification in his/her life path.

Keywords: *consciousness*, Rubinstein, life path, philosophical-psychological methodology, personality (litchnost'), subject, Being

Среди философско-методологических и научно-психологических категорий, понятий, концепций, пожалуй, нет равной *сознанию* по числу и разнообразию его определений, характеристик, интерпретаций. Они могут различаться разве что по мере целостности или специализированности, по уровню определённости, по числу авторов, разрабатывавших тот или другой аспект определения сознания, что и приводило к его превращению в целое направление, по историческому долголетию его существования или развития.

Среди титанов оригинальнейших философских концепций сознания общепризнанными, исключая исторические дали философского мышления, являются Гегель, Кант, Маркс, Фрейд (каждый автор в праве расширить этот список). Предельным уровнем абстрактности определений было, как известно, *соотношение сознания и субъекта, бытия и сознания*.

Независимо от того противопоставлялись ли другие многочисленные теории сознания друг другу или были вообще не сопоставимы по сущности, которую они раскрывали в сознании, общим принципом, методом их построения являлись, несколько прибли-

жённо обобщая, *два основных способа* его познания: либо они *начинали* (и в известной степени ограничивали) своё исследование с *него самого* как непосредственного предмета его определения, либо они разрабатывали *одну его*, качественно отличную от других, ипостась, один аспект, одно из проявлений.

К числу таковых относится вся область *лингвистики*, выявлявшая соотношение *языка и сознания*, плавно переходящая в область семантики, герменевтики (соотношение смыслов, значений и интерпретаций), область диалогизма сознания, его соотношения с Я-концепцией, самосознанием, его рефлексивной способностью, ценностностью, соотношения сознания и культуры и т. д.¹ К этому перечню можно добавлять аспекты соотношения индивидуального и общественно-го сознания, менталитета, обыденного и научного сознания и т. д.

Одним из философских направлений является изучение соотношения *сознания и познания*, которое, на наш взгляд, до сих пор недостаточно раскрыто.

¹ Разумеется, в этот перечень не входят проблемы антропогенеза, онтогенеза как становления, возникновения, развития сознания, и многое другое.

В каждой из перечисленных (не исчерпывающим образом) «областей» изучения и определений сознания, накоплен обширный и оригинальный опыт *знаний о сознании*, в той или иной степени подводящий к раскрытию его сущности.

Однако, обозначая тему данного эссе как *проблему* сознания, можно обсудить *альтернативу*: идти ли от перечисленных (и множества других его определений) к их *интеграции, синтезу*, или возможен путь осмысления проблемы преемственности или новизны самого *способа мышления*, которым осуществляется познание сознания.

Представляется, ограничиваясь рамками обсуждаемой темы, что главным изменением последнего времени в области познания сознания может считаться отнюдь не отказ от накопленных *знаний*, не отречение от философской мысли прошлых столетий, но его своеобразная, свойственная современной эпохе «переакцентуация» на роль *методологии* философско-психологического познания как *метода* философского мышления, на его *способ*, в новых современных условиях.

Рассматривая (в научно-философской сфере) характер этого изменения, мы связываем его с именем Сергея Леонидовича Рубинштейна, в максимальной степени владевшего философскими знаниями и отрефлектировавшего *способы* их получения, и в силу этого достигшего высочайшего уровня философского мышления [2]. *Новизна* последнего является результатом обобщения опыта философского познания и методологии психологии, а также ряда других наук, включая

математику, естествознание, физику и науки об обществе.

Ограничимся в методологическом контексте сравнением этого способа мышления только с гегелевским, поскольку последний отличался высшим уровнем диалектичности.

Обращаясь к гегелевской *парадигме* как способу *концептуализации*, т. е. тому этапу истории философской *мысли*, на котором она, достигнув своей вершины, *остановилась*, мы находим в ней, во-первых, казалось бы, *те же* «составляющие», которые, на первый взгляд, в качестве претендующем на *новые*, вводит С. Л. Рубинштейн в своём первом философском проспекте «Принцип творческой самостоятельности»¹ – программе труда «Человек и мир» (опубликованном через 50 лет!)².

Отвлекаясь от критической оценки гегелевского подхода к сознанию как *начальной* отправной философской позиции, можно сказать, мы действительно находим общее: и деятельное *движение* его сознания; «саморазвёртывание» в «качестве живого субъекта», субъективность которого носит в себе свойство действовать и вообще двигаться, быть деятельной»³.

«Идеальная субъективность» (т. е. сознание – *Авт.*) должна выявить и

¹ Рубинштейн С. Л. Принцип творческой самостоятельности (К философским основам современной педагогики) // Учёные записки высшей школы г. Одессы. 1922. Т. 2. С. 148–154.

² Рубинштейн С. Л. Человек и мир – проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1973. С. 255–385.

³ Гегель Г. Ф. В. Лекции по эстетике. Книга Первая. Т. XII. М.: Полиграфкниг, 1938. С. 181–183.

осуществить то, что в ней заключено»: «общее состояние мира» и «субстанциональную самостоятельность», а также противоречие между «субъектом, взятым в его конкретной действительности, и субъектом как мыслящим»¹. С этой целью в парадигму «Человека и мира» С. Л. Рубинштейн вводит понятие *Мира*². Иными словами мы находим здесь и единство сознания и деятельности, и способность субъекта к деятельности и самоосуществлению – по выражению С. Л. Рубинштейна – «самодетельности»; т. е. все те же «составляющие», образовавшие в своё время его замечательную концепцию 1922 г. [5]. В концепции Гегеля нет «Человека», он существует лишь как эмпирический субъект, индивид или «современный человек», и нет *жизни* – не в её эмпирическом понимании, а в философском – как жизнедеятельности Человека (по С. Л. Рубинштейну). В силу их «совпадений» нельзя ли сказать, что С. Л. Рубинштейн «по-своему прочёл» Гегеля и воспроизвёл его парадигму?

Однако диалектика философского мышления Рубинштейна проявляется не только в способности раскрыть *самодвижение* сущностей, обозначаемых теми или иными понятиями, и, в его случае, категориями, а также не только в выявлении противоречий этих сущностей «в себе» или с другими сущностями, что удаётся Гегелю. Рубинштейн не ограничивается диалектическим способом определения «составляющих» категорий, но, что и

свойственно его парадигме, применяет такой способ *обобщающей их интеграции*, при котором они в своём объяснительном качестве имманентны друг другу. *Онтологическая роль сознания в жизни Человека у Гегеля отсутствует.*

Можно сказать, что все «составляющие» парадигмы С. Л. Рубинштейна раскрываются им в своей *функциональной роли* по отношению друг к другу, что их *одновременно и объединяет*, и дифференцирует. Нельзя и Гегелю «отказать» во внутреннем единстве при противоречивости объяснения, но *именно и только сознания, не его роли в жизни человека.* Кроме того, Рубинштейн *другим, чем Гегель, способом*, связывает объяснительные категории (а не понятия, в гегелевской интерпретации) на высшем уровне философских абстракций. И начинает он не с сознания, а с *Человека, обладающего сознанием и деятельностью* в Мире. И сознание, и деятельность, имея разный онтологический «статус» как разные способы взаимодействия Человека с Миром, раскрывают возможности осуществления человеком жизнедеятельности в Мире. Рубинштейновская парадигма отправляется в познании сознания с контекста, в котором исследуется роль сознания. Сознание для него «не первично» и «не вторично», а определено в его *функциональной роли* в сущностном бытии Человека.

Становление человека, как известно, изначально предполагает иной, чем адаптация к среде, способ существования, т. е. осуществление взаимодействия с миром, жизнедеятельности в нём. Уже в статье 1922 г. Рубинштейн поставил акцент на связи сознания с деятельностью, подразу-

¹ Гегель Г. Ф. В. Лекции по эстетике. Книга Первая. Т. XII. М.: Полиграфкнига, 1938. С. 184.

² Там же. С. 182.

мевая её *субъекта* (в категории *самодетельности*). В 1935 г. в «Основах психологии»¹ он закрепил эту позицию. Рубинштейновская парадигма является более высоким уровнем философского обобщения, включающего и жизнедеятельность Человека в Мире, и его сознание [9; 10].

Можно ли сегодня рассматривать возникновение сознания через утверждение противоположности субъекта и объекта, по субъект-объектному основанию? Ответ на этот вопрос является проблемой...

Сложившаяся к настоящему времени общепсихологическая концепция сознания, своего рода *совокупное* знание о сознании, включает его следующие определения:

– как *способности* личности, обеспечивающей её идентичность, подлинность самовыражения, самореализации в жизненном пути и его осуществление в соответствии с её «хочу, могу», «я сам» и «надо» (С. Л. Рубинштейн);

– как *включающего* на сознательном, осознанном и неосознанном уровнях общечеловеческие, общественные и коренные ценности (своего менталитета);

– как *осуществляющего*, регулирующего *взаимодействие* личности с обществом, содействующего её *включённости* в него (в качестве принадлежности к определённой социальной страте, занимаемого места, «позиции», в социально-психологической общности, обществе);

– как *определяющего отношение* личности к условиям, требованиям, нормам общественной жизни (в качестве её современника и участника) и способ позиционирования в нём личности, степень её самоопределения, опосредования воздействий общества, личностное дистанцирование от социальной действительности (при необходимости участия в ней);

– как разрешающего противоречия во внутреннем мире личности, противоречия личности и её жизни, противоречия последней, противоречия индивидуальных и социальных ценностей, противоречия личности и общества и т. д;

– как механизма саморегуляции *личности*, при реализации её своих действий, поступков, взаимоотношений с другими посредством её мышления, познания, чувств и в организации ей своей жизни;

– как операционально преобразующего научные, общественные и личностные знания в способы осмысления, переосмысления – интерпретации действительности, в личностные ценности, идеалы;

– как *одновременно* обеспечивающего *определённость, устойчивость, самобытность* личности и её *изменчивость* в зависимости/независимости от успешности организации и как осуществления своего жизненного пути: как её *развитие* в процессе самореализации в жизни, как побудителя её жизненного движения, ресурса преодоления трудностей и достижений;

– как процесса, образования, механизма и способности к обобщению своей жизни в индивидуальных и социальных категориях, нравственных

¹ Рубинштейн С. Л. Основы психологии: пособие для высших педагогических учебных заведений. М.: Учпедгиз. 1935. 496 с.

принципах и ценностях, а также личностных жизненных смыслах;

– как *интегратора* экзистенциальной, сущностно онтологической и идеальной форм жизни личности, содействующего оптимальности её осуществления для её становления *подлинной* личностью;

– как содействующего достижению ей высшего уровня, полноты самореализации посредством *стратегии* жизни – становлению личности *субъектом* жизни.

Обращение к *методологическому* способу определения сознания стало возможным потому, что С. Л. Рубинштейн представил *контекст*, в котором оно может исследоваться. Этот контекст – Человек в Мире, его жизнь в Мире в качестве Субъекта, личности, индивидуальности, индивида. В этом контексте осуществляются *функциональные связи* Человека, обладающего сознанием и деятельностью, и его жизнедеятельности в Мире [1].

Авторами уже предпринимались попытки определить сознание как жизненную *способность личности*. Однако такому определению функции сознания должно предшествовать выявление его истоков. По-видимому, сознание возникает в жизни личности как своеобразный «орган», механизм функционирования, обслуживающий реализацию её *потребностей*. Согласно философскому определению, само становление человека «сопровождается» возникновением у него труда и сознания. Но если антропогенетический подход *постулирует* это, то методолого-психологический – проблемный – ставит вопрос «*для чего и почему оно возникает?*»

Человек и сам способ человеческой жизни порождает, предполагает возникновение всё более усложняющихся *потребностей*. Потребности, как известно, удовлетворяются деятельностью человека. Но осуществление деятельности предполагает «наличие» сознания. Следовательно, *потребности* «нуждаются» в сознании для их обеспечения деятельностью. Человек выступает не только в качестве субъекта – связующего звена – в принципе единства сознания и деятельности. Изначально человек обладает потребностью жизни, в неё же включается и потребность в сознании.

Даже если исключить базовую потребность человека в деятельности, то по мере его развития у него возникают новые духовные потребности, которые предполагают их удовлетворение, опосредованное *сознанием*.

Определение сознания, по-видимому, необходимо искать в контексте *побудителей жизни*, её движущих сил.

Обращаясь к способу применения методологического принципа единства сознания и деятельности в психологии, можно сказать, что «метафизичность», т. е. *ещё присутствующая* нашему мышлению концентрированность на «*определённостях*» сознания и деятельности, не принимала к рассуждению, в чём же состоит их единство.

Деятельность невозможна без сознания, последнее – без человека. Упущение понятия потребности в известной мере блокировалось общепринятым «признанием» исходности мотива и акценте на роли последнего – в действии, в деятельности [4].

Если даже «традиционная» философская формула деятельности вклю-

чала «цель», то почему же философско-психологическая «идея» «упустила», «прошла мимо» источника возникновения, постановки и способа определения этой цели – сознания человека?

Если придерживаться уровневой концепции сознания, то хотя бы неосознанно человек должен испытывать *потребность в деятельности*. Чем же, как не сознанием осуществляется «поиск» условий, способов, характера, даже «пространства» деятельности? Посредством сознания Человек определяет тот контекст действительности, который должен быть *преобразован его деятельностью*, и ставит вопрос, как его целесообразнее (соответственно потребностям) преобразовать.

Сознание возникает/не возникает в тех границах, которые определяются им соответственно его потребностям. Повидимому, абстрактно характеризовать границы сознания невозможно. В свою очередь, сознание влияет на развитие потребностей. Первоначально обеспечивая потребность в деятельности, необходимой только для выживания, сознание содействует её превращению в *созидательную*. В этом качестве сознание уже выступает как *способность личности*.

Под созидательностью мы подразумеваем не только творческую деятельность личности, но тот *способ осуществления ею своей жизни*, при котором жизнь становится полнотой её *самовыражения*, самобытностью *самоосуществления*. Это не означает, что жизнь «беспроблемна», лишена необходимости. Но всё внешнее, всё случайное, всё «вопреки», препятствующее её всё более развивающимся потребностям, *преодолевается* личностью благодаря способности её сознания *решать проблемы*. Однако

именно эта способность обеспечивает не только зависимость сознания от личности, но и обратную (в частности – предотвращение от совершения личностью поступков, удержание от высказывания мнения, в целом – даже изменение направления жизни).

Личность и как научное понятие, и в качестве интегратора различных своих способностей в своё время не являлась «сердцевиной» психологической науки, кроме как в концепции Рубинштейна. Соединение, т. е. высшая способность личности к *интеграции* своих «жизненных сил» (включая и силу воли, и силу мотивации достижения, ответственность и т. д.) приводит к удовлетворению *высшей потребности личности в жизни, соответствующей её притязаниям, желаниям, способностью её сознания*.

И когда личность начинает *использовать* сознание как свою способность, предположительно можно говорить о зарождении её качества как *субъекта*. Тогда сознанием жизнь интерпретируется как ценность. Сознанием личности осуществляется *обобщение бесчисленного разнообразия экзистенциальности¹* жизни. Последняя определяет жизнь как особые проявления личностных *выборов, свобод* и т. д., не связывая её со специфической онтологией жизненных обстоятельств, кризисов, не учитывая *меры соотношения* необходимости и свободы.

При определении *роли личности и её сознания* в жизни мы не используем *событийный* подход к жизненному пути (Ш. Бюлер и др.), а также понятия

¹ Прим.: Понятие «экзистенциальность» мы используем в другом значении, чем оно употребляется в философии экзистенциализма.

матриц, сценариев, репертуаров (хотя они и удобны для эмпирического исследования или консультирования), поскольку они не раскрывают жизненного пути личности во всей его диалектичности, изменчивости.

К сожалению, не может быть использован и богатый исследовательский материал, накопленный в отечественной *детской* психологии, поскольку он ограничивается проблемой становления сознания у ребёнка лишь на пороге жизни. Трудно обобщить с точки зрения психологии биографический, дневниковый и автобиографический разделы художественной литературы (хотя в них, как раз просвечивает «экзистенциальность» жизни). Обобщение этих данных под углом зрения поставленной проблемы требует специального исследования.

Однако есть образцы обобщённого, философски и психологически осмысленного определения роли сознания личности в жизни, одно из которых осуществил Н. Бердяев в своём «Самопознании»¹. Он сумел избежать исповеди о личном, но смог раскрыть свою личность в её внутреннем мире, жизненной позиции, мировоззрении, в жизненных противоречивых соотношениях с людьми, в динамике участия в разных общностях и движениях, в своих отношениях к *изменяющимся* жизненным контекстам. Он представил способ познания внутренних противоречий своей личности, собственной жизни и судьбы.

Это философски-автобиографическое произведение обнаруживает,

как выдающийся русский философ *осуществляет способ самопознания*, могущий быть образцом *искусства сознания* и эталоном научного познания, потому что в нём раскрывается роль сознания как способа решения личностью проблем жизни.

К этому можно добавить, что сам способ познания оказался в высшей мере адекватным его личности и жизни, поскольку Бердяев был философом, широкообразованным и глубоко мыслящим. Он был личностью, философски относящейся к жизни, и живущий именно в соответствии с исповедуемыми им философскими ценностями. И прежде всего в этом произведении мы находим концепцию *свободы* (отличающуюся от экзистенциалистского принципа свободы) как реальной, реализуемой в способе жизни ценности, поскольку личность живёт с такой степенью свободы и самоопределённости, что ситуации «или – или» (выбора) для неё просто не существует.

Для конкретизации, подтверждения и своего рода доказательства предлагаемого (в статье) *методологического* подхода к сознанию очень существенна работа *современного* философа Ю. В. Колесниченко [8]. Она представляет в своём историческом труде множество ещё известных, но уже не упоминаемых русских философов революционного периода, которые являлись авторами оригинальных *концепций личности*. Последние трудно поддаются даже сравнению, не то что обобщению. И тем не менее, она сумела найти *глубокие* и оригинальные категории и для концепции философии жизни того времени, и, главное, *одну из важнейших*, в данном контексте, раскрывающую способ *самопознания личности*.

¹ Бердяев Н. А. Самопознание (Опыт философской автобиографии). М.: Книга, 1991. 446 с.

Не имея возможности остановиться на множестве других, назовём категорию «самопортретирования», которая является философским портретом личности самого философа, способом *самопознания* авторов *разных* теорий личности, в оригинальнейшем подзаголовке книги, обозначенном автором как *биография*, но не личностей, не авторов теорий личности, а их *идей*! Здесь, прежде всего, открывается способность философского сознания самого *автора монографии*, проявляющаяся в интерпретациях [12], в которых соединяются не употребляемые в обыденной речи словосочетания, а также появляются *новые*, в новом контексте.

Здесь выявляется сложнейший философско-психологический конструкт, состоящий из авторского *способа исследования* и обобщения, которые представлены оригинальной *интерпретацией* как способом презентации результатов авторского исследования, воплощающих интеграл самопознания как *самопортретирования* авторов личностных концепций, и *биографию* как историко-смысловую логику их идей.

Эти два произведения – давнее и современное – открывают разные философско-методологические пути, раскрывающие способы изучения сознания и его возможностей в жизни, в которых объединяются *два (или даже три) субъекта* – «автор познающий», с оригинальным подходом к своему «объекту», которым является его собственная жизнь, а также «субъект исследующий» (свой «предмет»¹, т. е.

¹ Понятие субъекта употребляется здесь в смысле, отличающимся от философской категории, но обозначающим автора в качестве обладающего высшим уровнем философского мышления. Понятие «предмета»

личности разных авторов, в свою очередь, воссоздавших в своих концепциях возможности сознания субъекта в жизни).

Кратко и выборочно излагая сложившиеся способы познания сознания, можно, резюмируя это обобщение на самом предельном уровне абстрактности, выделить два основных. Первый является достигнутой на данном этапе *концептуализацией* его сущности, его разных проявлений, функций, качеств, особенностей и т. д. Таких концепций множество и их преимущество состоит в наличии в каждой «своей» логики, делающей её, в известном смысле, *закрытой*. Таковы в современной отечественной философии оригинальные концепции М. К. Мамардашвили, В. М. Аллахвердова, А. Н. и Д. Н. Леонтьевых, А. В. Карпова, В. Ф. Петренко и др [7].

Второй является философски-методологическим, который, с одной стороны, также опирается на определённую философскую парадигму, но являющуюся *контекстом познания сознания, акцентирующим сам способ познания, исследования и определения сознания*, с другой, имеет тенденцию к раскрытию *функциональных возможностей* сознания личности в жизни (в отличие от его определений как «закрытой» системы, структуры и т. д.).

В первом приближении, в качестве гипотезы, последний подход к *сознанию* может быть выражен в своём кратком определении: сознание *обеспечивает способность* личности жить в обществе соответственно масштабу своей личности и индивидуальности,

употребляется в науковедческом смысле – как «предмета» познания.

т. е. является способом осуществления личности в жизни, побуждаемым *потребностями* разного уровня, прежде всего, в самореализации.

Это – определение познавательного подхода к выявлению *разных направлений функциональных возможностей* сознания, которыми обладает личность, используя/не используя их в своей жизни в зависимости от *потребностей её «Я» и её жизни*.

Сознание по своей онтологической сущности принадлежит к классу *функциональных механизмов* (наличных, развивающихся и возможных) человека, объясняемых с позиций *теории вероятности*, в философии – её методологией, в психологии – *проблемностью*.

Как отмечалось выше, потребности в основном рассматривались в отечественной психологии как побудители деятельности (мотив–деятельность), в зарубежной – как мотивация достижения, уровень притязаний личности.

Поэтому есть смысл обратиться к *потребностям*, побуждающим способность личности их осознавать и осуществлять в жизни, соотносительно с её обстоятельствами, противоречиями, возможностями и необходимостью.

Потребности, «ускользающие» от их осознания, но *переживаемые* личностью (в той или иной мере), актуализируются сознанием лишь в критические моменты жизни общества. Другие потребности – «корни» личности своего народа, проявляются в её менталитете как глубинном *неосознаваемом общественном, общинном* (у русского народа). Эти потребности проявляются и как *предрасположенность* личности к определённому укладу, образу

и традициям жизни, иногда, напротив, они проявляются в идеологии, *общественном сознании*, но в этом качестве не всегда принимаются личностью. Патриотизм как выражение осознания высшей ценности своего народа, Отечества, может проявляться на высшем уровне мировоззрения личности, а может быть глубоко укоренён в чувстве любви к ней.

Высшие потребности представлены в *духовности* личности, в духовном складе её сознания или непосредственно – в *духовных потребностях*. Последние побуждают развитие и воплощаются в культурных потребностях и удовлетворяются посредством сознательного приобщения личности к культуре. Но они могут проявляться в *духовной жизни личности*, выражаясь не только в её насыщенности высшими ценностями, но в побуждении личности к жизни *возвышенной*, абстрагирующейся от житейских потребностей и их удовлетворения, к жизни *свободы духа* для решения задач человечества, «Вселенной» [3]. Духовные потребности воплощаются в сознании в единстве с переживаниями. Они представлены «мировоззренческими чувствами», в которых сознание личности обобщает своё ценностное отношение к жизни в целом¹.

Душевные потребности связаны с *взаимоотношениями* между людьми, с отношениями к близким, к природе. Они проявляются в неосознаваемых чувствах или многократно опосредованы сознанием. Их «корни» – в вос-

¹ Рубинштейн С. Л. Человек и мир – проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1973. С. 255–385.

приимчивости и отзывчивости личности.

Одной из ведущих в составе способностей сознания является её роль, образно говоря, как «переводчика» необходимых, актуальных или пережитых самой личностью жизненных впечатлений, потрясений, ситуаций, задач и т. д. на внутренний субъективный «язык» для раскрытия их личностного смысла. Эта «работа» необходима для их «ранжирования» личностью, их переработки, с целью определения (в широком смысле слова) того, как она должна, может, хочет к ним *отнестись*, в них включиться: осуществить ли некоторые действия или проигнорировать, нивелировать, распределить их по значимости, а не по последовательности их реализации, не по их осуществлению во времени, но по *способу и силе* «отклика» на них.

Сознание является таким же переводчиком в момент преобразования, переинтерпретации своих внутренних интенций – намерений, желаний, мотивов, в которых содержатся в разной степени значимости личностные смыслы: смыслы разного масштаба, разной актуальности в данный момент, разной модальности (положительной, утверждающей, отвергающей, пресекающей и т. д.). Сознание как «теоретик» осуществляет взаимодействие личности с жизнью, не парциально, функционирует не по принципу «стимул – реакция», а по своей внутренней композиции, «схеме», в которой выстраивается ценностно-смысловая иерархия, временная последовательность, и, главное, определение способов самовыражения и самореализации, в которой уже присутствует (или предполагается) архитектоника жиз-

ненных обстоятельств, условий и т. д., в которой личность будет объективировать свою внутреннюю направленность. Это не исключает жизненных «случаев», когда личность предпринимает нечто «внезапно», улавливая «подходящий момент».

В своё время мы ввели в определение личности понятие *активности*, которое разрабатывалось А. В. Петровским [11], но в ином ключе. Активность личности является «*посредником*» между описанной выше теоретизацией, концептуализацией своих существенностей для их реализации во времени – пространстве жизненного «хронотопа» (А. А. Ухтомский [13; 14]), в ней представлена предварительная операционализация, «подготовительная» переходная стадия к осуществлению теоретических или практических деятельностей, реализующих внутреннюю жизнь в реальности.

Сознание включается в «пространство» активности, в котором личность соотносит свои притязания со своими способами-возможностями самого разного рода, силами (настойчивостью, требовательностью), как говорилось в нашей старой доброй психологии, «умениями», а в современной – «ресурсами», в широком смысле, в побудительно-исполнительски-регуляторный «узел», «замысел» активности, а также с определением желаемых результатов (достижений), или нежелательных последствий (а потому их упреждения ещё на стадии неосуществлённого). Здесь сознанием решается иная задача, чем выше описанная, но решается способом, который можно обозначить не как теоретизацию, не концептуализацию, а своеобразное

«проигрывание» предстоящей самореализации.

Предлагаемый способ описания разных проблем и «задач», решаемых сознанием как отдельных, самостоятельных звеньев «перехода от внутреннего к внешнему», является не более чем авторской попыткой раскрыть функциональные «акции» сознания личности на подготовительной стадии её объективации в жизни. Однако, в действительности, сложность обеспечения сознанием взаимодействия личности с жизнью такова, что ряд своих задач сознание «решает» в самом моменте взаимодействия личности с жизнью, в самом моменте осуществления ею того или иного поступка, «высказывания», обнаружения своего истинного отношения к происходящему (как говорится, «по ходу дела»). Ряд «встреч» (как называл Рубинштейн взаимодействие личности с жизненными обстоятельствами) личности с людьми (не в обыденном смысле, а в смысле «взаимоотношений»), с жизненными проблемами происходит *внезапно* и иногда неожиданно для личности. Она не имела времени подготовиться к ним. И здесь «на помощь» и проходит её сознание, обеспечившее ранее приобретённый опыт, её «закалку» к фактору *внезапности*, тем, что уже сложилось в её характере (в его функциональности: устойчивость, уравновешенность = «хладнокровность», твёрдость, а также быстрота самомотивации и т. д.). Само сознание проявляется в быстроте сообразительности, как надо/не надо осуществлять *отреагирование* (наступательно, выжидательно, уклончиво, дистанцированно и т. д.); в жизненно-личностных категориях: иронично, «обдать» холодом, презрением,

высмеять, возмутиться, «дать сдачи» и т. д. Все это, конечно, уже «заряжено» личностными смыслами, принципами, отношениями.

Принципы справедливости и любви к ближнему, всепрощения, голоса совести, принятия решений и т. д. – все эти нравственные «судьи» личности находятся на разных уровнях сознания (сознательном, неосознанном, интуитивном), обладая разной степенью участия в способе *осуществления* регуляций: одно реализуя, другое задерживая (оставляя при себе), на третьем настаивая, добиваясь и т. д.

Регуляторная способность сознания связана с *фундаментальной временной сущностью* жизни. Здесь она обеспечивает соответствие личностных деяний и реальных обстоятельств («сензитивность») изменениям жизненного пути. Жизнь во всех её измерениях, качествах, сущностных или несущественных проявлениях, имеет *неотъемлемую настоящую направленность* во времени и онтологическую *необратимость* (мы не можем вернуться во вчерашний день, в своё детство, в молодость, т. е. в своё прошлое). Мир, в который она вовлечена и включается личностью, *изменяется*, но в *своих* масштабах, измерениях, которые, в свою очередь, связаны с *историческим временем* бытия и *развития* человечества и того общества, в которое включены личности разных поколений.

Это введение необходимо, чтобы ярче высветить *свободу* сознания как *онтологической способности личности*, противоположную относительно *однонаправленности* времени её жизни. Это известно в ряде наук, от астрономии до физики, но мало инте-

грировано в психологии. В последней представлена психическая способность *памяти* как идеального способа «перенесения» в прошлое для его воссоздания в настоящем. Известна избирательность памяти и произвольность её оперирования (перестановок во времени, не соответствующих реальному времени осуществления того или иного явления, события, изменения). *Память движется в прошлое в направлении обратном направлению времени жизнедеятельности личности.*

В значительно большей степени эта же способность присуща сознанию. Если память направлена в прошлое *против* хода жизни (и только!), то сознание способно «двигаться» и в прошлое из настоящего, и из прошлого к настоящему, а последнее – проецировать в будущее. Сознание (осознание более избирательно) более *произвольно* в своих «остановках» во времени, в его «перестановках». Но при этом существенно, что если прошлое имеет достоинство «онтологически» *реально произошедшего*, уже свершившегося, состоявшегося, и в этом смысле завершённого, то обращение личности своим сознанием к будущему имеет онтологически идеальный характер не только в смысле определённости/неопределённости планов, прогнозов, предвидений, предсказаний и т. д., но и в смысле ещё не состоявшегося, реально не осуществлённого человеком. Можно отметить ещё одну особенность свободы сознания личности: она вольна думать о будущем, которое наступит после её смерти, т. е. выходить за пределы своей жизни¹.

¹ Интереснейшее археологическое исследование, связанное с раскопками памятников

В философской антропологии принято рассматривать сознание как духовную и душевную его ипостаси, не применяя к ним уровневого подхода. Можно также признать, что понятие идеального, использованное С. Л. Рубинштейном для определения природы психического, в этом смысле «занято» и дивергентно по отношению к сознанию как идеальному, т. к. духовное онтологически, в известной степени, существует как идеальная реальность (в отличие от субъективной реальности). Духовное не редко связывается с нравственным, но включая, «исповедуя» нравственные ценности, оно не сводится к нему [6].

Не рассматривая сложности методологического перехода *от* философской категории *человека* к философско-психологической личности, мы подошли к *духовности* личности как к её достижению посредством сознания и воли *общечеловеческого пространства*, т. е. уровня высших человеческих ценностей, на котором они исповедуются и утверждаются как в принципе *самоценные*. Это способность личности к *всеохватности* её сознанием всей трагичности и счастья быть человеком, с принятием на себя всей полноты долга, призвания и ответственности.

Духовное возвышается над личной жизнью, над житейским и ответственным

жизни египтян тысячелетней давности, обнаружил, что они свою настоящую жизнь превратили во всестороннее обеспечение загробной жизни, создав своеобразную материальную индустрию смерти. Эта социально-психологическая, национальная «интроверсия» облегчила жизнь настоящую радостной подготовкой к смерти (термины «интроверсия» или «перверсия» употреблены здесь для обозначения переворота во времени).

ным, обретая *высшую степень свободы*. Здесь личность как человек не борется за ценности, она испытывает их собственную силу, обретая сама силу Духа, способность жить духовной жизнью.

Душевное, на первый взгляд, не является проявлением сознания, скорее чувств. Но, тем не менее, их осознание придаёт последним особую ценность, самооценку, чистоту и искренность подлинной личности. Душевность является либо качеством самой личности, либо связанным с ней отношением к людям. Но в отличие от житейского

представления о душе, как сущности психического, пытавшегося «поместить» её в центр, начало начал, *Душа* «неподвластна» прагматическим определениям. Личность остаётся человеком, пока жива её Душа. Если она остаётся жить после смерти своего тела, то убить душу человека при жизни, может быть, есть ещё больший грех, чем убить его самого. Она дана свыше каждому, чтобы он был человеком...

*Статья поступила
в редакцию 11.10.2019*

ЛИТЕРАТУРА

1. Абульханова К. А. Способности сознания личности как субъекта жизни // Мир психологии, 2006. № 2. С. 80–94.
2. Абульханова К. А., Славская А. Н. Предисловие // Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. СПб.: Питер, 2017. С. 6–33.
3. Батищев Г. С. Философское наследие С. Л. Рубинштейна и проблема креативности // Сергей Леонидович Рубинштейн. Очерки, воспоминания, материалы. К 100-летию со дня рождения / отв. ред. Б. Ф. Ломов. М.: Наука, 1989. С. 245–277.
4. Брушлинский А. В. С. Л. Рубинштейн – основоположник деятельностного подхода в психологической науке // Сергей Леонидович Рубинштейн / под ред. К. А. Абульхановой. М.: РОССПЭН, 2010. С. 119–164.
5. Брушлинский А. В. Субъектно-деятельностная концепция С. Л. Рубинштейна (20–30-е годы) // Философия психологии / под ред. В. А. Лекторского. М.: РОССПЭН, 2016. С. 323–339.
6. Зинченко В. П. Философско-гуманитарные истоки психологии действия // Вопросы философии. 2014. № 3. С. 73–84.
7. Зинченко В. П. Сергей Леонидович Рубинштейн: Превратности судьбы учёного // Философия психологии / под ред. В. А. Лекторского. М.: РОССПЭН, 2016. С. 305–322.
8. Колесниченко Ю. В. Личность в русской философии 1920–1930-х годов: биография идеи. М.: Энциклопедист-Максимум, 2018. 416 с.
9. Лекторский В. А. Немецкое неокантианство в контексте российской гуманитарной мысли: С.Л. Рубинштейн // Неокантианство немецкое и русское: между теорией познания и критикой культуры / под ред. И. Н. Грифцовой, Н. А. Дмитриевой. М.: РОССПЭН, 2010. С. 197–208.
10. Лекторский В. А. Немецкая философия и российская гуманитарная мысль: С. Л. Рубинштейн и Г. Ф. Шпет // Философия психологии / под ред. В. А. Лекторского. М.: РОССПЭН, 2016. С. 340–358.
11. Общая психология: уч. / под ред. А. В. Петровского. М., 1976. 479 с.
12. Славская А. Н. Основы психологии С. Л. Рубинштейна. Философские основания развития. М.: Институт психологии РАН, 2015. 344 с.
13. Ухтомский А. А. Доминанта. СПб.: Питер, 2002. 448 с.

14. Ухтомский А. А. Интуиция совести: Письма. Записные книжки. Заметки на полях. СПб., 1996. 528 с.

REFERENCES

1. Abulkhanova K. A. [The abilities of consciousness of the individual as a subject of life]. In: *Mir psikhologii* [World of Psychology], 2006, no. 2, pp. 80–94.
2. Abulkhanova K. A., Slavskaya A. N. *Predislovie* [Preface]. In: Rubinshtein S. L. *Bytie i soznanie* [Being and Consciousness]. St. Petersburg, Piter Publ., 2017. P. 6–33.
3. Batishchev G. S. [Philosophical heritage of S. L. Rubinstein and the problem of creativity]. In: Lomov B. F., ed. *Sergei Leonidovich Rubinshtein. Ocherki, vospominaniya, materialy. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya* [Sergey Leonidovich Rubinstein. Essays, Memoirs, Materials. To the 100th Anniversary of the Birth]. Moscow, Nauka Publ., 1989. P. 245–277.
4. Brushlinsky A. V. [S. L. Rubinshtein – the founder of activity approach in psychological science]. In: Abulkhanova K. A., ed. *Sergey Leonidovich Rubinstein* [Sergey Leonidovich Rubenstein]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010. P. 119–164.
5. Brushlinsky A. V. [Subjective-Activity Concept of S. L. Rubinstein (20–30 years)]. In: Lektorsky V. A., ed. *Filosofiya psikhologii* [Philosophy of Psychology]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2016. P. 323–339.
6. Zinchenko V. P. [Philosophical Origins of the Psychology of Action]. In: *Voprosy filosofii* [Russian Studies in Philosophy], 2014, no. 3, pp. 73–84.
7. Zinchenko V. P. [Sergey Leonidovich Rubinstein: the vicissitudes of the academic]. In: Lektorsky V. A., ed. *Filosofiya psikhologii* [Philosophy of Psychology]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2016. P. 305–322.
8. Kolesnichenko Y. V. *Lichnost v russkoi filosofii 1920–1930 godov: biografiya idei* [Personality in Russian Philosophy of 1920–1930s: Biography of the Idea]. Moscow, Entsiklopedist-Maksimum Publ., 2018. 416 p.
9. Lektorsky V. A. [German neo-Kantianism in the context of Russian humanitarian thought: S. L. Rubinstein]. In: Griftsova I. N., Dmitrieva N. A., ed. *Neokantianstvo nemetskoe i russkoe: mezhdru teoriei poznaniya i kritikoi kultury* [German and Russian Neo-Kantianism: between the Theory of Knowledge and the Critique of Culture]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010. P. 197–208.
10. Lektorsky V. A. [German philosophy and the Russian humanitarian thought: S. L. Rubinstein and G. G. Spet]. In: Lektorsky V. A., ed. *Filosofiya psikhologii* [Philosophy of psychology]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2016. P. 340–358.
11. Petrovsky A. V. *Obshchaya psikhologiya* [General Psychology]. Moscow, 1976. 479 p.
12. Slavskaya A. N. *Osnovy psikhologii S. L. Rubinshteina. Filosofskie osnovaniya razvitiya* [S. L. Rubinstein's Fundamentals of Psychology. Philosophical Foundations of Development]. Moscow, Institute of Psychology of Russian Academy of Science Publ., 2015. 344 p.
13. Ukhtomsky A. A. *Dominanta* [The Dominant]. St. Petersburg, Piter Publ., 2002. 448 p.
14. Ukhtomsky A. A. *Intuitsiya sovesti: Pisma. Zapisnye knizhki. Zametki na polyakh* [Intuition of Conscience: Letters. Notebooks. Notes in the Margin]. St. Petersburg, 1996. 528 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Абульханова Ксения Александровна – доктор философских наук, профессор, академик РАО, главный научный сотрудник Института психологии Российской Академии Наук; e-mail: abulkhanova@ipras.ru

Славская Александра Николаевна – кандидат психологических наук, старший научный сотрудник Института психологии Российской Академии Наук;
e-mail: dirpsy@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Kseniya A. Abulkhanova – Doctor of Philosophy, professor, Academician of the Russian Academy of Education, chief researcher, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences;
e-mail: abulkhanova@ipras.ru

Alexandra N. Slavskaya – PhD in Psychology, senior researcher, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences;
e-mail: dirpsy@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Абульханова К. А., Славская А. Н. Сознание личности как проблема. Часть I // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2019. № 4. С. 8–23.

DOI: 10.18384/2310-7227-2019-4-8-23

FOR CITATION

Abulkhanova K. A., Slavskaja A. N. Consciousness of personality as a problem. Part I. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2019, no. 4, pp. 8–23.

DOI: 10.18384/2310-7227-2019-4-8-23